

Л. Собинов (Ленский). «Евгений Онегин» П. Чайковского.

Г. Уланова (Джульетта). «Ромео и Джульетта» С. Прокофьева.

Е. Образцова (Кармен). «Кармен» Ж. Бизе.

— Алексей Петрович, истоки вашей любви к музыке и пению, очевидно, берут свое начало из раннего детства!

— Да, это, действительно, так. В нашей большой семье любили песню. У отца был хороший музыкальный слух и прекрасный бас, я до сих пор, как талисман, храню отцовский камертон, под который мы подстраивались. С увлечением занимался я и в хоровом кружке реального училища и даже — вспоминаю об этом с улыбкой — исполнил там свою

ло отгороженное дощатой перегородкой пространство прямо в цехе. Работать в этих условиях было нелегко, и все-таки до сих пор вспоминаю свои уроки, свои приемы и «хитрости».

В своей педагогической практике я всегда опирался на ребячьи интересы. Замечал я, например, что один из учеников увлекается радиodelом, и просил: «Слушай, Коля, у меня что-то приемник барахлит. Может, зайдешь, посмотришь?». Видели бы вы, с какой

биографии день, запомнившийся вам более всего!

— Да, это день 9 Мая 1945 года. Тогда, тридцать лет назад, я исполнил на оперной сцене партию Беса в «Черевичках». В девять вечера, в перерыве, я, в театральном костюме, загримированный, вышел на улицу. Увидел толпу радостных, взволнованных людей, которые, узнав во мне артиста, улыбались, обнимали меня, поздравляли с Победой. Помню, что меня охватило чувство безмерной радости.

НЕМАЛО СЛАВНЫХ СТРАНИЦ истории Большого театра связано с именем замечательного мастера сцены, народного артиста СССР, лауреата Государственных премий Алексея Петровича Иванова. Он создал незабываемые образы Демона и Риголетто. Игоря и Руслана, Мизгиря в «Снегурочке» и Петра в опере «Вражья сила», Шакловитого в «Хованщине» и Грязного в «Царской невесте». Его мастерству аплодировали во многих странах мира — в Австрии, Великобритании, Венгрии, Дании, ГДР, Исландии, Италии, Чехословакии...

Бережно относясь к творческой молодежи, Алексей Петрович немало времени уделяет вопросам музыкально-эстетического воспитания. Нельзя не отметить его деятельность публициста, критика, журналиста. Обширна и его концертная деятельность.

Сегодня А. П. Иванов отвечает на вопросы нашего корреспондента Н. Новиковой.

БЛИСТАТЕЛЬНЫЕ СТРАНИЦЫ

первую сольную партию — роль Муравья в музыкальной инсценировке «Стрекоза и муравей».

Однако вряд ли мой отец, сельский учитель, мог предполагать, что пение станет делом моей жизни. «Семейной» профессией, которую избрали мой брат и две сестры, была профессия учителя. По семейной традиции, закончив реальное училище, пошел и я в Тверской педагогический институт. Но и здесь я продолжал петь в хоре. Однажды мое выступление услышала замечательная оперная певица Мария Эдуардовна Ланская. «Алеша, — сказала она после концерта, — вам обязательно надо учиться пению...» Ланская любила молодежь и даже создала в Твери музыкальную студию, где я стал брать у нее уроки. Она-то и заронила в мою душу мечту о профессиональной сцене...

— Однако до поступления на оперную сцену было еще шесть лет учительского труда. Чем они вам запомнились?

— Да, верно. Я учительствовал два года после окончания пединститута и четыре — параллельно с учебой в Ленинградской консерватории. Было это в конце двадцатых — начале тридцатых годов. Время было трудное, неустроенное. В школе при вагоностроительном заводе моим классом ста-

горячей готовностью, даже радостью откликался Коля на эту просьбу! Ему было приятно сознавать, что и он что-то умеет и знает. Другой увлекался фотографией, и я просил его сделать фото для стенгазеты, третий хорошо рисовал, и это тоже шло на пользу общему делу. А в результате рождалось такое взаимопонимание, что даже домой они провожали меня чуть не всем классом...

— Богатый жизненный и творческий опыт, вероятно, подсказывает: родственны ли профессии педагога и артиста?

— После долгих лет работы на сцене я пришел к убеждению, что эти профессии сходны в главном — и учитель, и актер воспитывают человека, формируют личность. Для актера знать и понимать человеческую душу необходимо, иначе характер, психология образа, секреты перевоплощения останутся недостижимыми. Человека должен знать и учитель, иначе как же ему работать?

Разумеется, каждый пользуется своими средствами. Что касается актера, то, чтобы не оказаться плохим воспитателем, он должен стремиться к психологической точности, правдивости. Плохое искусство — то же, что и плохой педагог, не так ли?

— Существует ли в вашей

Это был самый знаменательный, самый волнующий день...

— А из множества сыгранных ролей выделяете ли вы какую-либо особо или все они одинаково любимы вами?

— Мне часто задают этот вопрос, и всегда я подчеркиваю — нет, я не выделяю ни одной роли. Я вообще не люблю одной краски. Мне нравятся многоцветие, сочетание цветов. Так и с ролями. Вот вспоминается первое мое выступление на профессиональной сцене — 28 октября, 1930 год, Ленинград. Партия Скарпия в «Тоске». Огромный зал, две тысячи зрителей, и мой голос звучит в сопровождении оркестра...

Может быть, эта роль особая? А может быть, не она, а партия Риголетто? Помню, как настойчиво уговаривал и потом все-таки увез меня в Москву Константин Сергеевич Станиславский. Он готовил в своей оперной студии новую постановку «Риголетто» и все лето работал со мной над главной партией. Так, может, она? А как же князь Игорь, Демон, Грязный, Эскамильо, Амонасро? Да разве перечислить все! Я люблю их одинаково, все мне одинаково дороги. Каждая из них — это частица моей жизни, меня самого.

— Алексей Петрович, вы неразрывно были связаны с

Большим театром более тридцати лет. С кем из выдающихся мастеров сцены вам довелось встречаться и работать?

— Конечно же, память хранит подробности многих блистательных страниц биографии Большого театра. Широка интересов, любознательность, стремление совершенствовать свое мастерство — эти черты характерны были для многих тогдашних ведущих артистов. Невозможно забыть Александра Степановича Пирогова, певца замечательного по яркости и масштабу дарования, талантливого продолжателя славных традиций поколений русских басов. Истинным его призванием был героический эпос, он, как никто другой, умел создавать величавые образы.

Хорошо помню двух известных теноров — Никандра Сергеевича Ханаева и Георгия Михайловича Нэлеппа. Ханаев многие годы исполнял партии Садко, Германа, Отелло. Нэлепп, обладатель красивого лирико-драматического тенора, всегда находил живые краски, согретые искренним чувством интонации для передачи всей гаммы психологических состояний его героев в «Иване Сусанине», «Садко», «Борисе Годунове», «Хованщине».

Покорял талант высокоодаренной певицы Елизаветы Владимировны Шумской. Замечательными мастерами были работавшие со мной на одной сцене Большаков, Евлахов, Сливинский... А несравненная Барсова? А Обухова? Все это выдающиеся мастера оперы, своим искусством принесшие славу Большому театру.

Сегодняшний день театра позволяет верить, что эстафета великих мастеров перешла в надежные руки

Е. Максимова (Китри). «Дон-Кихот» Л. Минкуса.